

Научное мнение. 2022. № 12. С. 24–34.
Nauchnoe mnenie. 2022. № 12. P. 24–34.

Научная статья
УДК 001:168.5
DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2022_12_24

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ НАУКИ

Наталья Александровна Иванова

Сибирский государственный индустриальный университет, г. Новокузнецк, Россия
ivanova-nkfi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1371-0576>

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессионализации науки, которая трактуется как вопрос о том, как осуществляется процесс научной профессионализации, какие причиняющие силы и отношения делают его возможным. Процесс научной профессионализации, который инициируется самими учеными посредством установления нормативных правил и критериев научности, назван «чистой» моделью. Трактовка научной профессионализации как результата государственной социально-экономической политики исходит из того, что ученые с необходимостью включены в общественные структуры. Перспектива, характерная для социальной философии науки, означает, что научная профессионализация является открытой системой ассоциаций, в которой ученые имеют много противоречащих друг другу способов обретения профессиональной идентичности, так как в процессы любого профессионального действия включено множество различных агентов. На примере работ Б. Латура показано, что парадокс профессионализации в науке состоит в одновременном увеличении количества вовлеченных в науку людей, что способствует распространению научных фактов и артефактов, и их уменьшению, чтобы научные положения принимались и распространялись в неизменном виде. Ответ на вопрос «как осуществляется профессионализация науки?» предполагает признание распределенного характера процесса профессионализации, нестабильность которого обусловлена разрывом между поиском истины и широким спектром социально-коммуникационных форм деятельности ученых.

Ключевые слова: наука, профессионализация, профессионализация науки, социальная философия науки, научная автономия, государственная социально-экономическая политика

Original article

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF PROFESSIONALISATION OF SCIENCE

Natalia A. Ivanova

Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russia
ivanova-nkfi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1371-0576>

Abstract. The article deals with the problem of scientific professionalisation, where the principal question is how the process is carried out and what causative forces and relationships make it possible. The process of scientific professionalisation as initiated by scientists themselves through the establishment of regulatory rules and criteria for scientific activity is

called a “pure” model. The interpretation of scientific professionalisation as a result of the state socio-economic policy proceeds from the fact that scientists are necessarily included in public structures. The perspective characteristic of the social philosophy of science proceeds from the fact that scientific professionalisation is an open system of associations in which scientists have many contradictory ways of acquiring professional identity, provided that many different agents are included in any professional action. Using Bruno Latour’s works, the author shows the paradox of scientific professionalisation: it lies in the fact that the number of people involved in science is being increased – which contributes to the dissemination of scientific facts and artifacts – and reduced at the same time so that scientific statements are accepted and disseminated unchanged. To answer the question of how the scientific professionalisation is carried out, we have to recognise the distributed nature of the process, its instability which is due to the gap between the search for truth and a wide range of social and communicative forms of scientific activities.

Keywords: science, professionalisation, scientific professionalisation, social philosophy of science, scientific autonomy, state socio-economic policy

Идея «открытой науки», поддерживаемая ЮНЕСКО, предполагает «преобразование научной практики с целью ее адаптации изменениям, задачам, возможностям и рискам цифровой эпохи, а также усиление воздействия на общество ...» [1]. Рамочная программа действий за открытую науку объединяет различные движения и формы деятельности, направленные на расширение взаимодействия научного сообщества с новыми участниками. Ориентация на открытость обостряет вопрос об отношении внутренних мотивов деятельности ученых, основанных на призвании и служении истине с внешним социально-институциональным измерением науки [2]. В этой связи проблема научной профессионализации не является только вопросом о существовании научного сообщества как коллективного субъекта и концептуальных средствах его описания, т. е. не сводится к вопросу о том, что представляет собой сообщество ученых как профессиональная группа. Наличие особого типа когнитивной социализации и предметной специализации, использование особых методов, получение материального вознаграждения за систематический труд и достижение статуса социального института [3] есть фиксация результата, не отвечающая на вопрос, как это становится возможным. Проблема научной профессионализации — это вопрос о том, как осуществляется процесс научной профессионализации, какие

причиняющие силы и отношения делают ее возможными.

Согласно проекту Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта» «наука — это вид профессиональной деятельности, направленный на выполнение фундаментальных научных исследований, поисковых научных исследований и прикладных научных исследований» [4]. Сама же профессиональная деятельность, формально определяемая профессиональным стандартом как вид трудовой деятельности, в настоящее время является объектом пристального общественного внимания и предметом научных дискуссий. Как правило, рассмотрение процесса научной профессионализации опирается, с одной стороны, на социологию профессий, с другой — на историографию науки. При этом современное состояние социологии профессий демонстрирует разнообразие в теоретических и методологических подходах [5], историография науки свидетельствует о способности науки к обновлению и умению адаптироваться, что в целом не позволяет свести понимание процесса профессионализации науки к простому и однозначному толкованию. Цель настоящей статьи — концептуализировать и эмпирически описать процесс научной профессионализации в рамках трех перспектив: 1) наука как профессиональная автономия; 2) научная профессионализация как результат государ-

ственной экономической политики; 3) научная профессионализация в перспективе социальной философии науки.

Наука как профессиональная автономия

Согласно данному подходу, научная профессионализация инициируется и обеспечивается самими учеными посредством установления нормативных правил и критериев научной деятельности. Такая перспектива может быть названа «чистой» моделью, трактующей профессионализацию науки как саморегулирующийся процесс, основанный на свободе выбора внешних и внутренних стратегий, так как ученые способны самостоятельно обеспечивать профессиональную автономию, моральную и социальную ответственность науки, устанавливая формы и уровень вознаграждения, а также осуществлять защиту от вторжения непрофессионалов. «Чистая» модель соотносится с классическим подходом, согласно которому движущей причиной научных открытий является трансцендентальный субъект, в то время как такие характеристики, как сословная, религиозная и национальная принадлежность в расчет не принимаются как факторы несущественные [6]. Концептуализация «чистой» модели научной профессионализации, на наш взгляд, представлена в работах М. Вебера, Т. Парсонса, Т. Х. Маршалла, Э. Фрейдсона и П. Бурдьё.

Отношение к научному производству как к форме профессиональной деятельности, характеризующейся, во-первых, отказом от приоритета частных интересов в пользу производства нейтрального знания, во-вторых, усилением специализации, при условии, что сам этот процесс представляет собой часть процесса интеллектуализации, заложил Макс Вебер [7]. Именно М. Вебер ввел понятие «социальное закрытие», акцентировав внимание на формах активности профессиональных групп, направленных, с одной стороны, на максимизацию своих преимуществ (в случае науки это производство объективного знания), с другой — на ограничение доступа для посторонних. Отталкиваясь от идей М. Вебера, Т. Парсонс усматривал в академической профессии идеал свободной профес-

сии, обладающий особым социальным статусом, основанном на научной рациональности и демократической самоорганизации [8]. На то, что изначально, критерии оценки профессионализма вводились самими профессионалами, которые, отделяя свои занятия от сфер физической и коммерческой деятельности, полагая, что в основе профессионализации лежат свободный выбор и представление о правильной деятельности, совместимой с достойной жизнью, что соответствовало исходному значению термина «профессионал» (дающий обет), указал британский историк и социолог Т. Х. Маршалл. Он пишет: «Профессионал не работает для того, чтобы ему платили, а ему платят для того чтобы он мог работать» [9, с. 106]. Позже представителям традиционных профессий (врачам и юристам) пришлось переопределить свои профессиональные цели, перенеся акцент с идеи свободы на идеи служения и моральных обязательств перед клиентом.

Э. Фрейдсон истолковал профессионализацию как форму социальной организации и рассмотрел ее как идеальный тип, более жизнеспособный, чем его альтернативы — рынок (подчиненный логике утилитарного корыстного интереса) и бюрократия (базирующаяся на рационально-правовых основаниях) [10]. Профессиональные группы, предоставляющие социальные блага, способны к организации и контролю своей деятельности без внешнего управления и влияния рынка. Важнейшим ресурсом, способствующим формированию и сохранению профессионализма, Э. Фрейдсон считает идеологию и выделяет несколько ее видов: консюмеризм, менеджеризм и собственно профессионализм. Ядром идеологии профессионализма, подобно М. Веберу, полагает требование специализации, обусловленное решением конкретных задач. Преданность трансцендентным ценностям (в случае науки — объективной истине) позволяет профессионалам оказывать услуги, не превращаясь в класс служащих. В отличие от профессионализма, консюмеризм, оспаривая власть специалистов, декларирует возможность и способность «людям с улицы» или носителям продвинутого знания

реализовывать право свободы выбора самостоятельно, без поддержки профессионалов, в то время как идеология менеджизма стремится ограничить власть профессионалов на основе критериев эффективности и рациональности.

Что касается французского социолога Пьера Бурдьё, то он полагал, что исторически профессионализация науки осуществлялась посредством оппозиции к внешним институтам (церкви, государству, экономике) и стала возможной благодаря возникновению широкого и диверсифицированного слоя потребителей научного знания и технологий, а также становлению многочисленного корпуса производителей научной продукции [11]. Наука представляет собой систему отношений, которые одновременно являются интеллектуальными и политическими, и местом, где ученые добиваются научного авторитета на основе общепринятых правил. Автономия научной практики, ее отношения с другими социальными практиками не являются раз и навсегда установленной данностью, а есть исторический феномен, обусловленный, в частности, стратегией социального закрытия, предполагающей выработку общих правил и условий входа, так как внешнее вмешательство в науку способно нанести ей вред, ограничив свободу научного поиска. Автономия науки предполагает право входа в соответствии с определенными правилами, означающими, что для занятия наукой необходим специфический капитал, без которого становится невозможным видение научных проблем. При этом защиту права входа не следует отождествлять с элитарностью, так как это требования защиты условий производства научного знания, а именно профессиональной автономии. Вводя понятие поля для обозначения относительно автономного пространства, наделенного специфическими для него законами, и указывая на зависимость любого поля как микрокосма от макроструктур, главным вопросом в отношении науки П. Бурдьё полагает вопрос об уровне автономии науки и механизмах, позволяющих ей освободиться от внешних принуждений и сохранить свои собственные внутренние зако-

ны, понимаемые как структуры объективных отношений. Главным индикатором уровня автономии поля является его способность к рефракции — трансформации и преобразованию внешних принуждений в специфическую для данного поля форму. Каждое поле производит специфическую форму капитала. В случае науки — это особый вид символического капитала, основанного на признании. Классическим примером акта узнавания и признания является фигура А. Эйнштейна. В общем виде решающим аргументом, финансирующим акт научного признания, выступает апеллирование к «объективной реальности», к результатам работы по объективации, проявляющей себя в форме представлений. Сложность заключается в том, что научные представления есть единство когнитивного и политического, следовательно, всегда содержат в себе возможность замены аргументов разума и опыта внешним принуждением.

Отношения науки с другими социальными полями, согласно П. Бурдьё, носят противоречивый характер, так как своей автономией наука обязана финансовой поддержке со стороны государства, которая обеспечивает свободу научного поиска от прямого давления со стороны рынка. Последний вторгается в поле науки посредством таких функций научных исследований, как изобретение и инновации, что означает трансформацию первой в нововведения, имеющие экономический эффект. Однако в целом это не отменяет требования автономии науки, имеющей особый интерес в незаинтересованности, в то время как специфической целью экономики является стремление к прибыли, а политики — борьба за власть.

Что касается историографии науки, то считается, что наиболее значимым событием в процессе научной профессионализации, в частности, в Великобритании стало создание в 1660 г. Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе, установление академической свободы, понимаемой как автономия университета, появление внутреннего регламента, ограничивающего некоторые гражданские права в целях развития науки и образования, а также введение У. Хьюллом

понятия *scientist*, обозначающего того, кто, получив специальное образование, систематически участвует в исследовательской деятельности [12]. Финансовая независимость английских ученых, имевших, как правило, аристократическое происхождение, делала их независимыми от доходов, связанных с преподавательской деятельностью, и, как следствие, незаинтересованными в усовершенствовании образовательного процесса. Следует отметить, что трактовка научной профессионализации в Англии как автономной и идеологически и социологически нейтральной была основана на свидетельствах первых официальных историографов Общества и была распространена до так называемой социологической истории английской науки [13].

В современных условиях наиболее актуальной для сторонников модели «чистой» профессионализации является задача защиты профессиональной автономии от политического и экономического давления и от влияния любых других социальных институтов, навязывающих науке собственные логики развития. Внешнее администрирование и стремление к коммерциализации науки оцениваются в рамках данной модели как неизбежное зло. Так, одной из форм сопротивления давлению неолиберальной системы менеджмента является стратегия «медленного плавания», метафора которой отсылает к спортсменам-любителям, развивающим собственные способности, а не стремящимся к выполнению формальных требований и участвующим в жесткой конкуренции [14]. Модель «чистой» науки в настоящее время реализуется в совокупности исследований, объединяемых понятием «мегасайенс», далеких от коммерциализации и мотивированных исключительно познавательным интересом [15].

Научная профессионализация как результат государственной социально-экономической политики

Трактовка научной профессионализации как результата государственной социально-экономической политики исходит из того, что ученые как профессиональная группа с

необходимостью включены в общественные структуры. При этом, как правило, ссылаются на результаты сравнительных эмпирических исследований, свидетельствующих о том, что если английские ученые действительно были независимы от доходов, связанных с их исследовательской или преподавательской деятельностью, и выступали, скорее, инициаторами определенных образцов поведения и образов жизни, то в других национальных контекстах, в частности, во Франции, в силу изначального разделения процессов исследований и преподавания, инициированного властями, ученые получили право свободного поиска и средства его реализации от государства, а преподаватели представляли собой государственных служащих, обязанных реализовать программы, установленные государством [16]. В России генезис профессиональных групп с петровских времен представлял собой часть бюрократического аппарата управления, так как именно государство стимулировало развитие определенных научных областей и процесс подготовки научных кадров, выступив инициатором отделения исследований от преподавания, что не способствовало процессу профессиональной самоорганизации.

Очевидным доказательством зависимости науки от экономики является тот факт, что научная деятельность осуществляется посредством технических приемов, которые подчиняются принципу эффективности, а не критерию истинности или справедливости. Требуя финансовых инвестиций, технические приемы и инструменты приводят к «органическому сопряжению» техники и экономики, а, следовательно, и науки, чьи доказательства и аргументация зависят от технологической оснащенности. В результате традиционное различие между истиной и ложью заменяется оппозицией эффективности и неэффективности. Происходит замещение научной объективности эффективностью, так как в процессе научного конструирования технологии усиливают реальность.

Данная модель является наиболее распространенной в условиях преобладания политики государственного регулирования науки,

нацеленной на внедрение рыночных критериев оценки результатов научной деятельности, стимулирование не столько производства и распространения нового знания как социального блага, сколько создания коммерческого продукта, сопровождающегося расчетами издержек и выгод, ориентацией на прибыль. В этих условиях научная профессионализация превращается в создание и продвижение бренда ученого-исследователя с последующей его коммерциализацией как на уровне личных доходов, так и прибыли организации, с которой он связан [17].

Сходные процессы происходят и в подготовке и занятости научных кадров, которые посредством краткосрочных контрактов превращаются в наемных работников. Происходит академическая депрофессионализация, высшее образование становится механизмом воспроизводства социальной структуры, которая подчиняется критерию результативности, состоящему в оптимизации вклада в эффективность социальной системы [18]. Именно поэтому от современного высшего образования ожидают формирования двух видов компетенций, где первый призван обеспечить социальной системе приоритет в конкуренции определенных специальностей на мировом рынке образовательных услуг, а второй — поддерживать стабильность самой социальной системы посредством внутреннего единства.

Давление рынка на сферу научной деятельности проявляется и в рассмотрении научного знания как ключевого фактора, обеспечивающего конкурентоспособность национальной экономики. Как результат формируется целая система, призванная стимулировать процессы коммерциализации науки. К формам проявления данного процесса можно отнести снижение значимости публикационной активности в пользу получения патентов в естественных и технических науках, требование привлечения внешних источников финансирования. Установка на коммерциализацию сопровождается укреплением позиций менеджмента, расширяющего свои полномочия, усиливающего контроль над всеми аспектами профессиональной деятельности

и упраздняющего традиции академического самоуправления.

Фундирующим основанием научной профессионализации как части государственной экономической политики является идея экономики знаний, указывающая на необходимость роста и продвижения научных инноваций и приводящая к структурным изменениям в науке, в частности к диверсификации научного сообщества как минимум на две группы, где одна выполняет традиционные функции исследования и преподавания, а другая осуществляет менеджерские функции, обеспечивая выполнение требований государственной политики и рыночной экономики [19]. Последние сосредоточены на развитии человеческого капитала, способного самостоятельно оценить собственные издержки и выгоды, а также на стимулировании экономического роста посредством производства инновационного продукта, что, в свою очередь, приводит к росту бюрократии, усилению контроля, формированию индивидуализма и конкуренции. Основным противоречием данной перспективы в трактовке являются сложная взаимосвязь и конфликт между свободным развитием научных инновационных процессов, государственным планированием и требованием экономической эффективности.

В целом сторонники данной перспективы опровергают представление о том, что наука — это автономная саморегулирующаяся система, и оценивают его как профессиональную идеологию, отмеченную рядом мифологем. К ним, согласно П. Романову и Е. Ярской-Смирновой, следует отнести: миф технократизма, включающий представление о том, что основным фактором модернизации являются знания и технологии; миф об обладании профессионалами особого типа сертифицированного комплекса абстрактного, кодифицированного знания и практического опыта; идеи о политической и экономической нейтральности и социальной ответственности членов профессиональной группы, образующих мифы о беспристрастности и альтруизме; и, наконец, миф об автономии, утверждающий существование практик само-

контроля как отдельного представителя профессиональной группы, так и группы в целом [20]. В настоящее время российские социологи предлагают ретроспективу процесса профессионализации на примере России в оптике критической экологии, примиряющей институциональную и локальную перспективы, макро- и микроуровни анализа и направленной на исследование генезиса профессионализма и формирование профессиональных групп в различных пространственно-временных контекстах [21].

Профессионализация науки в перспективе социальной философии науки

Отмечая существование описанных выше пониманий научной профессионализации, один из которых акцентируется на свободном выборе профессиональных стратегий, а другой трактует профессиональные группы как зависимые от внешних структур, британский специалист в области социологии труда Джулия Эветтс полагает, что сегодня можно говорить об их сближении [22]. Новая модель профессионализации представляет собой совмещение процессов профессионализации «изнутри» и «извне» и предполагает поддержание баланса между ними. Так, современные профессиональные группы, с одной стороны, продолжают ориентироваться на принципы доверия к авторитету, коллегиальности, формирование особой культуры, поддержание научной идентичности, свободы действий в нестандартных ситуациях, а с другой — организационный характер современной профессионализации представлен системой контрактов, должностных инструкций, формализованными процедурами отбора, призванными заменить неформальные и непрозрачные механизмы и процедуры.

Подобная трактовка профессионализации порождает вопрос о концептуальных средствах и теоретических инструментах, позволяющих описать и восстановить этот сложный процесс. Таковую возможность предоставляет социальная философия науки, в оптике которой «внутренняя» и «внешняя» социальность, используя терминологии И. Т. Касавина, образуют социальность «открытую» [23]. Идея открытой социальности

указывает, что процесс производства любого знания, включая научное, обусловлен культурной динамикой и что основным когнитивным ресурсом человека является совокупная сфера культуры, неотъемлемым элементом которой является наука.

Представляется, что в России подобную перспективу в 70-х гг. XX в. предложил М. К. Петров, который писал, что новая оптика видения науки предполагает, во-первых, признание иллюзией изображение научной профессионализации как свободной автономии или как адаптации к агрессивной социальной среде, во-вторых, отказ от стремления уподобить прошлое настоящему, процесс результата, в-третьих, тщательное изучение процесса, приводящего к единству исследовательской, прикладной и академической составляющих современной науки [24]. Необходимо признать, что современная наука — это сложное множество гетерогенных деталей (знаковых, процедурных, организационных), каждая из которых имеет различный возраст, происхождение, первоначальное предназначение и в чистом виде может быть представлена лишь условно, так как в реальности это сложный комплекс, который образует единство и сопряжение, «обкатанное временем». В частности, датирование официальной историографией науки единства научных исследований с академической структурой — реформой Гумбольдта Берлинского университета в 1810 г., а прикладного приложения научного исследования — созданием в 1826 г. лаборатории Либиха в Гисене, не отменяет того факта, что это стало возможным благодаря большому влиянию на развитие науки технологического творчества практиков-самоучек, культ которых и их сопротивление немецкой модели обернулись для Англии потерей лидерства в пользу Германии. В целом, согласно подходу, предложенному отечественным исследователем, профессионализация науки осуществляется не по единому сценарию, а представляет собой совокупность особых траекторий обретения профессионального статуса в определенных культурных и социально-экономических контекстах и требует кропотливого конкретно-исторического исследования [25].

В зарубежной традиции автором, позволяющим взглянуть на процесс профессионализации науки в перспективе практического поворота, следует считать французского социолога Б. Латура, который полемизирует с двумя подходами, присутствующими в анализе науки. Согласно первому, наука — это не-социальный вид деятельности, подчиняющийся собственным законам и одновременно испытывающий на себе влияние внешних социальных, культурных, политических и других сил. Второй подход, стирая различие между социальным и не-социальным, трактует науку сквозь призму различных коммуникативных форм, требующих, в свою очередь, объяснения в экономических, лингвистических, психологических и иных категориях. Согласно предлагаемому Б. Латуром подходу, наука представляет собой систему ассоциаций, эффективность которой зависит от реализуемых ею связей и отношений. Специфика науки как одного из способов бытия или модусов экзистенции (наряду с религией, искусством, экономикой, правом) состоит в достижении истины бытия посредством технических приемов, предоставляемых референций и установленных фактов.

Основным источником неопределенности в попытках ответить на вопрос, что представляет собой наука, является принятие тезиса, согласно которому не существует ученых как социальной группы, а есть лишь процесс группообразования [26]. Научная профессионализация не может быть определена остенсивно, так как будучи перформативной, создается теми путями и способами, которыми сами ученые о себе заявляют, но не простыми речевыми актами или конвенциями, а посредством постоянной поддержки и группосозидающего усилия, предполагающего мобилизацию различных средств и ресурсов. Такой взгляд противоречит традиционному представлению о том, что люди всегда включены в социальные группы, в частности в профессиональные, которым можно противопоставить антигруппы, например, группы непрофессионалов или дилетантов. Б. Латур полагает, что необходимо «отказаться от любых заранее определенных представлений о том,

как сделана наука, и последовать за учеными, которые ее делают» и изучить весь «пестрый список ресурсов и союзников, которых ученые собирают под свои знамена, чтобы не позволить несогласным их опровергнуть» [26, с. 170]. И первым в его списке является процесс производства научной литературы, которому присущи: а) разногласия, имеющие коллективную природу и приобретающие форму позитивных и негативных модальностей; б) подключение к научной литературе в ситуации разногласий технических аргументов, ссылок на авторитеты и предшествующие тексты. Ключевым отличием научной литературы от любой другой является то, что ее опровержение, а, следовательно, возобновление разногласий, возможно посредством обращения к его истокам — к лаборатории — месту, где ученые работают и где Природа предстает в косвенном виде.

Именно в лаборатории происходит демонстрация того, что научные тексты отсылают к вещам посредством записей и инструментов. Последние представляют собой устройства, которые производят визуальный продукт, использующийся в научных текстах (оптический телескоп, линейный ускоритель, образец подвздошной кишки морской свинки, институт статистики и др.). Лаборатория является местом, где инструменты, производящие записи, объединяются, а производимые инструментами визуальные образы представляют тех, от имени которых они «говорят», и которые способны оказывать сопротивление усилиям по их модификации и выдерживать испытание силами. Именно их Б. Латур предлагает называть актантами, понимая под ними людей и вещи, способных действовать, приобретать форму посредством своих реакций на поставленные им условия, подключать уже известных актантов и в конечном счете овеществляться. Такое определение актантов позволяет ввести идею реальности в ее этимологическом значении как то, что сопротивляется испытанию сил и свидетельствует о невозможности сведения научной деятельности к производству дискурса и форме символического производства. Сохранение устойчивой связи между актантами и

их представителями может быть обозначено понятиями «объективная истина», условием опровержения которой и превращения ее в субъективные представления является построение контрлабораторий, результатом создания которых может быть открытие новых объектов-актантов. В целом же, когда научные разногласия разрешены, можно апеллировать к Природе, которая сама является результатом научных разногласий.

Распространение фактов и артефактов в лаборатории происходит благодаря мобилизации различных элементов, включая деньги, время и людей, которые необходимо связать воедино. Что касается людей, то конструирование факта предполагает вовлечение других, чье поведение должно быть предсказуемым, а значит, контролируемым. Б. Лутар выделяет несколько стратегий перевода интересов других в процессе конструирования фактов. Идея перевода означает, что куда бы ни двигались другие, им необходимо вовлечься в процесс конструирования фактов. Один из самых простых способов состоит в нахождении тех, чьи эксплицитные интересы совпадают с задачей конструирования фактов. Однако его недостатком является проблематизация роли вклада каждого участника и возможности присвоения авторства другими. Иные тактики предполагают, не приспособливаться к интересам других, а инициировать обходные пути или их сокрытие, перетасовку интересов и целей, замещение целей и изобретение новых и, наконец, изобретение новых групп других. Все эти переводы невозможно описать в терминах подчинения и команд, все они предполагают переговоры и компромиссы, в результате которых создаются релевантности. Как было сказано выше, вовлечение других предполагает их контроль или поддержание интереса у вовлеченных сторон, так как количество вовлеченных интересов является важным, но недостаточным фактором, поскольку связи, соединяющие их в единое целое, могут быть разорваны. При этом прочность созданного единства будет определять не грандиозность ее отдельных элементов, а прочность самого слабого звена. Построение прочной связи между разрозненными силами будет

означать создание машины, а возможность вовлеченных сил проверять друг друга превратит машину в автомат.

На конкретных примерах Б. Лутар показывает, что у науки есть внутренняя лабораторная часть и внешняя, отвечающая за привлечение союзников со стороны. Причем существует прямая связь между объемом внутренней работы и привлеченных внешних ресурсов: чем «чище» внутреннее содержание науки, тем шире ее выход во вне. Эффективность внутренней работы лаборатории зависит от того, насколько другие ученые являются успешными в привлечении необходимых ресурсов и насколько им удастся убедить других людей, что посредством результатов работы лаборатории они могут достичь своих собственных целей (при условии, что внешние цели правительства, бизнеса, общественности на время совпадут с целью лабораторий в результате огромной переговорной работы).

Заключение

Мы согласны с П. С. Куслий в том, что «одно из главных направлений поиска в современной социальной философии науки — это адекватное описание основополагающих принципов функционирования науки в свете недопустимости как тезиса об абсолютной эпистемической автономии, так и идеи о полной редукции науки к ненауке» [27, с. 130]. Это означает, что проблема профессионализации науки предполагает ответ на вопрос о том, какие внешние и внутренние, объективные и субъективные предпосылки должны действовать, чтобы научная профессионализация состоялась, производилась и воспроизводилась в качестве относительно устойчивой и определенной, меняющей свои формы, при сохранении установки на объективацию результатов. Сравнительный анализ существующих трактовок в понимании научной профессионализации показывает, что модель чистой профессионализации может быть охарактеризована как субстантивистская, так как отождествляет науку с некоторой субстанцией, дистанцирующей и выносящей отношение с внешним контекстом за скобки. В то время как понимание науки как части про-

цесса государственного строительства игнорирует необходимость работы по объективации результатов научной деятельности.

Ответ на вопрос, что представляет собой процесс научной профессионализации в рамках социальной философии науки, предполагает признание постоянного перемещения между внешним контекстом (работой ученых с политиками, бизнесменами, юристами, преподавателями) и внутренним содержанием (проведением учеными чистых научных исследований). Научная профессионализация является открытой системой ассоциаций, в которой ученые имеют много противоречащих друг другу способов обретения профессиональной идентичности, при условии, что в

процессы любого профессионального действия включено множество различных агентов. Парадокс профессионализации в науке состоит в одновременном увеличении количества вовлеченных в науку людей, что способствует распространению научных фактов и артефактов, и их уменьшению для того, чтобы научные положения принимались и распространялись в неизменном виде. Ответ на вопрос «Как осуществляется профессионализация науки?» предполагает признание распределенного характера процесса профессионализации, нестабильность которого обусловлена разрывом между поиском истины и широким спектром социально-коммуникационных форм деятельности.

Список источников

1. Предварительный проект рекомендации ЮНЕСКО по открытой науке. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378841_rus (дата обращения: 30.06.2022)
2. Пружинин Б. И. Наука как профессия и как феномен культуры // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 5–9.
3. Касавин И. Т. Грехи и добродетели экстернализма // Epistemology & Philosophy of Science. 2019. № 1. С. 60–64.
4. Гарант.ру: Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта “Научный работник (научная (научно-исследовательская) деятельность)”» / Минтруд России, 2017. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 30.12.2021)
5. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий — пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
6. Луман Н. Эволюция науки // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. № 2. С. 215–233.
7. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–731.
8. Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса) // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54–67.
9. Маршалл Т. М. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. С. 105–124.
10. Freidson E. Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001.
11. Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49–59.
12. Касавин И. Т. Викторианская философия науки: Уильям Хьюэлл (размышление над книгой) // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 63–72.
13. Гатина М. Р., Михель Д. В. Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 191–205.
14. Jones D. J. An academic challenge to the entrepreneurial university: the spatial power of the “Slow Swimming Club” // Studies in Higher Education. 2018. Vol. 45. № 2. P. 375–389.

15. *Dusdal J., Powell J., Baker D., Fu Y. Ch., Shamekhi Y., Stock M.* University vs. research institute? *Minerva*, 2020, OnlineFirrst.
16. *Родина Л. Л., Николаева Н. В., Пономарев А. И.* Из истории университетов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 4.* 2015. № 4. С. 405–427.
17. *Page D.* The academic as consumed and consumer // *Journal of Education Policy.* 2019. Vol. 35. № 1. P. 585–601.
18. *Raina S.* Academic deprofessionalization: a case study of the effects of privatization on academic profession in private Indian universities // *International Journal of Sociology.* 2020. Vol. 49. № 5/6. P. 370–388.
19. *Laalo H., Kinnari H., Silvennoinen H.* Setting new standards for Homo Academicus: Entrepreneurial university graduates on the EU agenda // *European education.* 2019. Vol. 51. № 2. P. 93–110.
20. *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Идеологии профессионализма и социальное государство // *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой.* М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 64–81.
21. *Абрамов Р. Н., Ярская-Смирнова Е. Р.* Ретроспектива российского и советского профессионализма в оптике критической экологии // *Мир России.* 2017. № 2. С. 103–127.
22. *Evetts J.* Professions in turbulent times: changes, challenges and opportunities // *Sociologia, Problemas e Pr`aticas.* 2018. Vol. 88. № 4. P. 43–49.
23. *Касавин И. Т.* Социальна эпистемология: понятие и проблемы // *Epistemology & Philosophy of Science.* 2006. № 1. С. 5–15.
24. *Петров М. К.* Как создавали науку? // *Природа.* 1977. № 9. С. 80–88.
25. *Иващук О. Ф.* О механизмах воспроизводства науки в связи с концепцией тезаурусной динамики М.К. Петрова // *Вопросы философии.* 2020. № 2. С. 60–70.
26. *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
27. *Куслий П. С.* Является ли наука эпистемически автономной? Современные проблемы и дискуссии в социальной философии науки // *Epistemology & Philosophy of Science.* 2019. № 1. С. 116–132.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 23.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Информация об авторе:

Н. А. Иванова — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин.

Information about the Author:

N. A. Ivanova — Doctor of Science (Philosophy), associate professor, head of the Department of Social Disciplines and the Humanities.